

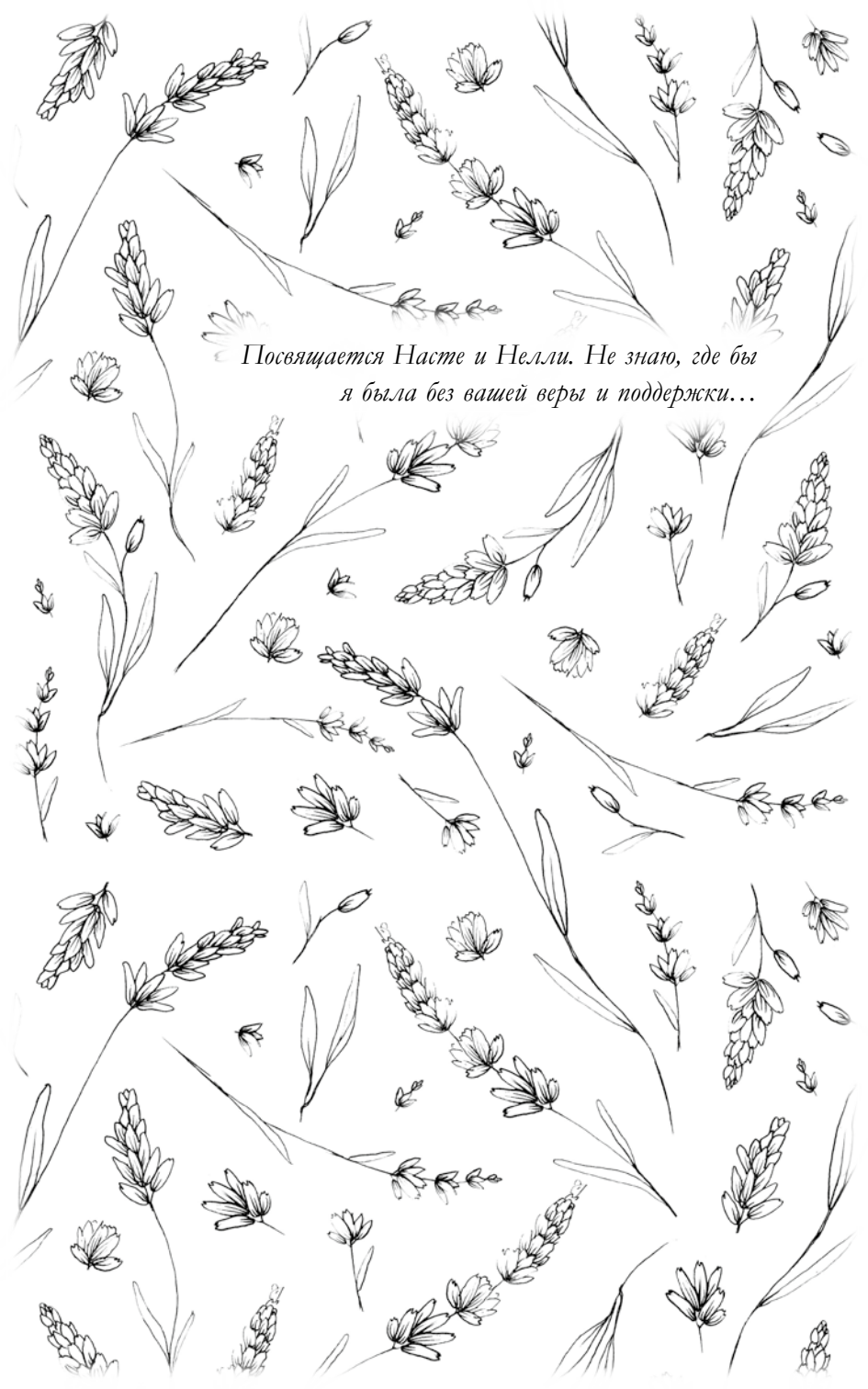
Хелена Хейл

ЛВАНДОВАЯ

ВЕТВЬ



TREND
BOOKS



*Посвящается Насте и Нелли. Не знаю, где бы
я была без вашей веры и поддержки...*

ПЛЕЙЛИСТ:

1. Arctic Monkeys — «Do I Wanna Know?», «Why'd You Only Call Me When You High?», «R U Mine?»
2. The Verve — «Bitter Sweet Symphony»
3. Лил Пип (Lil Peep) — «Star Shopping»
4. The Neighbourhood — «Sweater Weather»
5. Индиана (Indiana) — «Smoking Gun»
6. Hippie Sabotage — «Devil Eyes»
7. Мэг Майерс (Meg Myers) — «Desire»
8. Джейс Эверетт (Jace Everett) — «I Wanna Do Bad Things With You»
9. Placebo — «Special Needs», «Blind»
10. Тимо Маас (Timo Maas) — «First Day»
11. 30 Seconds To Mars — «A Beautiful Lie»
12. Сиа (Sia) — «Breath Me»

ГЛАВА 1

В НАУШНИКАХ ГРЕМЕЛА МУЗЫКА, точнее, лилась грустными нотами. Я смотрела на проезжающие мимо машины из окна автобуса, положив голову на руки, а руки на поручень. Этот утренний час в семьдесят девятом автобусе был моим личным ежедневным ритуалом, временем размышления и вдохновения. Хотя по факту он был лишь дорогой до работы. Небо было серым и унылым, совсем как я, даже машины в пробке стояли черные, белые и серые — большая редкость. Кому как не мне знать, ведь каждое утро я въезжаю в эту пробку как к себе домой.

К двадцати двум годам я окончила колледж в Бирмингеме и благодаря лучшему другу моего покойного отца открыла свое мини-кафе. В этом кафе я и работала, ведь средств для оплаты чьего-либо труда я не имела. А, нет, вру! В моем кафе подрабатывала подруга младшего брата, но ее ставка была так мала, что даже на чаевых Эбигейл зарабатывала больше.



Если бы кто-то попросил меня описать мою жизнь двумя словами, я бы ответила «день сурка» или «незаурядная и стабильная». А что нам обещали в колледже? Что после выпуска все заиграет яркими красками, а возможности буквально будут преследовать нас по пятам. Наставники, наверное, перепутали, это мы теперь должны долбиться в каждую дверь в поиске возможностей и стараться не уйти в себя после тысячи отказов.

Скажите, мне грех жаловаться, ведь у меня своя забегаловка? Здесь я отвешу поклон дядюшке Майклу, ведь, если бы не он, я бы реально ушла в себя, так как искусство меня перестало интересовать уже на втором курсе, а работать продавцом-консультантом я устала. Возвращаться домой с истертыми ногами и новым запасом оскорбительных высказываний в свой адрес — увольте. Это все дядя Майкл, единственный, кто слышал на семейных застольях мои короткие вставки типа «вот открою свое кафе!», «а в меню у меня было бы...», «я уже подыскала место для аренды». У мамы и братьев эта информация пролетала мимо ушей — они свои-то мечты не реализовали, а тут еще я со своими фантазиями.

И вот мой автобус поворачивает на самую угрюмую пустую улицу, на остановке которой редко кто выходит. Только я. Вообще застать солнце в Бирмингеме — большая удача, но нас радовали даже просто дни без осадков, потому как попасть под ливень здесь ничего не стоило. Я пошла

излюбленной тропой, повернула перед цветочным магазином, затем миновала заброшенный ресторан, несколько частных домов, спустилась под мостом и оказалась на месте. Вот она, моя забегаловка, которую я назвала именно так, как и мечтала, будучи восьмилетней, — «Лавандовая ветвь».

Место, которое я арендовала под кафе, было не самым проходимым и далеко не популярным. Когда я выбрала соседний с доками дом, члены моей семьи дружно запротестовали, но все же смирились после козырного аргумента — здесь самая низкая арендная плата. Дядюшка Майкл пусть и дал мне сумму для оплаты на полгода вперед, но никто не обещал, что дело выгорит и я не останусь с пустым кошельком и разрушенной мечтой на выходе. Мне предстояло своими руками делать ремонт и превращать заброшенный магазин глиняной посуды в уютный общепит.

Вдоль канала находились самые посещаемые заведения: два паба (чешский и ирландский), мексиканская забегаловка, элитный бар и четыре магазина (рыболовный, продуктовый, хозяйственный и сувенирный). Все они располагались в добротных, красивых кирпичных домах. Именно эти трехэтажные строения первыми бросались в глаза посетителям доков и туристам, а уже самые любопытные жители Англии могли наткнуться и на мою кофейню, стоило им пройти в глубь кирпичных построек, где через два небольших здания красовалась деревянная вывеска с выжженной надписью и рисунком.



Изначально я планировала ввести в меню лишь напитки и десерты, но многие обитатели доков были так рады появлению кафе, что надоумили меня расширить ассортимент. Стало больше видов кофе, больше закусок и перекусов, появился «суп дня».

Солист Arctic Monkeys уже допевал припев в моих наушниках, когда я повернула на улочку, застроенную кирпичными зданиями. Каждый раз при виде своей вывески у меня трепетало сердце: моя. Мое собственное кафе. Уютный уголок на пустыре, зато свой. Через стеклянную дверь я заметила суетливые движения Эбигейл.

— Слава богу, Селина! Звонили из службы здравоохранения, они собираются прийти с проверкой во все заведения на территории доков в течение недели.

Вместо приветствия я систематически получала «приятные» известия.

— Эбби, брось мне фартук! — попросила я, проигнорировав новость.

Эбигейл было семнадцать, она оканчивала старшую школу и уже в конце весны должна была сдавать важнейшие в своей жизни экзамены, а пока, вместо того чтобы отправлять резюме в колледжи, заменяла чековую ленту. Схватив фартук, я зашла в уборную, где собрала свои длинные густые волосы в тугой хвост. Резинок у меня всегда было про запас, потому как мою гриву выдерживали лишь сильнейшие.

— Почему ты здесь, а не в школе? — спросила я, заливая молоко в опустевшую емкость аппарата.

— Сел, сегодня воскресенье, привет! — рассмеялась Эбигейл.

Неужели воскресенье? Казалось, только вчера была среда. За последние месяцы все дни недели смешались воедино, ведь, как я уже говорила, какое мне дело, если что ни день, то «день сурка»?

Эбигейл — украшение моего кафе. Ее морковные волосы, тоже туго собранные в хвост, и масса веснушек, усыпавших даже плечи, спину и руки, напоминали о лете, самых ярких закатах и о той огненной живости, с которой она у меня ассоциировалась и которой так не хватало мне самой. Эбби обладала неиссякаемой энергией и добрым сердцем. Мы познакомились с ней, когда Мэттью, мой младший брат, пошел в первый класс. Они с Эбби стали одноклассниками и закадычными друзьями, поэтому из-за моей сильной привязанности к рыженькой непоседе все девушки брата вызывали у меня недовольство. Но его личная жизнь — не мое дело, так что приходилось держать свое мнение при себе.

— Заметила только утром, — указала Эбби пальцем на корзину, которую я вчера поставила около кассы. — Это что? Для печенья с шоколадной крошкой?

— Нет, для лавандовых веточек, — смущенно улыбнулась я.

Эбби, как она любила это делать, уставилась на меня большими зелеными глазами. Несколько



вечеров кряду я думала о том, что мне следует обзавестись своей «фишкой», которая привела бы в мое кафе большее количество людей, повысила бы продажи. Я решила, что название должно говорить само за себя, и, вспомнив об истории бабули Корнелии, обошла ближайšie цветочные магазины в поисках лавандовых ветвей.

— Что за нововведение? Для благоухания? Так я только вчера заменила пустую бутылку ароматизатора...

— Нет-нет, Эбби! — А еще рыжий бесенок обзавелся привычкой тараторить без умолку. — Это... есть такая примета. Помнишь бабулю Корнелию?

— Как же не помнить!

И я рассказала Эбигейл о старинном поверье, некогда переданном мне моей любимой покойной бабулей. Бабушка Корнелия увлекалась сухоцветами, они всегда украшали полки ее дома в Валенсии, откуда была родом семья моего отца. Запах там стоял такой, что даже если попытаться упасть в обморок — не выйдет, какой-нибудь аромат да отрезвит разум. Меня сразу привлекли сухие ветви лаванды, пышным букетом стоявшие в вазе девятнадцатого века. Их запах и сиреневый оттенок очаровали меня, восьмилетнюю. Позже, заметив мой интерес, бабушка рассказала мне о лавандовых ветвях: «Сухую ветвь лаванды раньше носили незамужние дамы. Не все, конечно, но те, кто знал о поверье, особенно хитрые девчушки, прятали ветвь в карман или цепляли в качестве броши.

Согласно поверью, такой талисман мог привлечь мужчину, помогал найти настоящую, искреннюю любовь».

— И что же, Корнелия не рассказала тебе историю какой-нибудь девицы, которой удалось встретить любовь?

Эбби с недоверием глядела на меня, пока я разбирала сумку и доставала пакет с ветвями лаванды.

— Она только сказала, что благодаря лаванде встретила дедушку, — ответила я, наполняя корзину.

— Ага, значит, именно лавандовая ветвь послала его после долгого мореплавания в Валенсию? — усмехнулась Эбби.

— Эбби, я ведь не говорю, что безоговорочно верю в силу лаванды. Просто... я всегда знала, как назову кафе. В последнее время я часто думала о том, как бы нам его продвинуть, и вспомнила, откуда взялось название. Корзина может стать нашей фишкой! У нас ведь должно быть что-то оригинальное? Чем не маркетинговый ход?

— Кстати о фишках, не пора ли тебе приготовить суп дня?

— Точно! Слушай, напиши вот здесь мелом: «Лавандовая ветвь — талисман для одиноких сердец», — велела я Эбби, оставив на столе мел и черную дощечку.

— А цена? — спросила она, когда я уже отворяла дверь кухни.

— В подарок к чашечке кофе! — крикнула я.



Пора приступать к ежедневному ритуалу — приготовлению супа дня. Если сегодня воскресенье, значит, нужно достать продукты для острого испанского супа с колбасками. И вновь спасибо бабуле Корнелии, которая безропотно обучала меня готовке. По воскресеньям выручка была приличной, а благодаря испанскому блюду даже появились постоянные клиенты. Я не могла их подвести, поэтому ускорила темп приготовления, вытирая слезы от лука.

Помешивая горячую жидкость, я невольно вспоминала о бабушке и отце. Пар обдавал мое заплаканное лицо, но я продолжала вдыхать это едва уловимое воспоминание. В тот день мы с бабушкой как раз варили суп, а потом пошли на море. Папа, кажется, учил меня плавать... эх, чертова ностальгия, только настоящих слез мне не хватало!

Отца я потеряла четыре года назад, едва поступив на первый курс. От такого удара я долго не могла оправиться, поэтому некогда приличные оценки, благодаря которым меня и приняли в колледж, снижались по накатанной. Отец сторел всего за год с того дня, как врач сообщил о третьей стадии рака желудка. Тяжелейшее время моей жизни. Мы всей семьей искренне верили в то, что отец сможет побороть болезнь, даже когда химиотерапия не увенчалась успехом, даже когда он исхудал до пятидесяти восьми килограммов, даже когда целый месяц не мог встать с постели. В тот месяц бабуля Корнелия скончалась от инфаркта, а затем забрала

с собой и душу единственного сына. Так всего за год я потеряла двух самых близких мне людей.

Конечно, я любила и братьев, и маму, но та близость, то абсолютное понимание и доверие, что были между мной и отцом... их уже не вернуть. Смахнув ностальгические слезы, я накрыла огромную кастрюлю крышкой и вернулась в зал, как раз когда прозвенел дверной колокольчик.

— Добро пожаловать в «Лавандовую ветвь»! — широко улыбнулась Эбигейл, приветствуя посетителя. — Ах, мистер Берч! Вам, как обычно, эспрессо и суп дня?

— Верно, красавица, верно! — прокрихтел старик. — Селина, здравствуй!

— Добрый день, мистер Берч! — звонко ответила я, поспешно расставляя десерты в стеклянном холодильнике.

— О, это что, фисташковый эклер? Будь добра, милочка, положи мне...

Мистер Берч приходил к нам каждый день. Его хозяйственный магазин размещался как раз «лицом» к каналу в тех самых уютных домах из красного кирпича. Вдовец Берч, как и я, круглосуточно торчал в своей лавке. Его густые брови поседели и нависли над глазами так, что не видно было век. Неизменный серый берет, украшавший полысевшую голову, сполз влево, на нем оказалось несколько дырок.

— Селина, ты все цветешь! Откуда в тебе столько сил? Ты ведь, кажется, без выходных... — Он



имел странность не договаривать предложения. Может, просто не тратил свой и без того малый запас жизненных сил.

— Вы видите меня каждый день, мистер Берч, неужто я с каждым днем все краше? — усмехнулась я. — Да и сами вы безвылазно торчите в своей лавке. Почему бы вам не найти сменщика хотя бы на два дня в неделю?

— Что ты, милая! — схватился за сердце старик. — Доверить мои... нет, молодежь слишком безответственна, и потом...

— Ваш суп, эспрессо и эклер. Десерт я упаковала в контейнер, вы ведь, наверное, возьмете его с собой?

Спасибо Эбби, завладевшей вниманием Берча. Я подмигнула подруге и продолжила выставлять выпечку, перемещая ценники.

— Верно-верно, дитя! Уж как облупленного меня...

Мистер Берч забрал свой заказ и отправился в сторону доков. Мы с Эбигейл протяжно выдохнули.

— Слава богу, сегодня без историй о его милой, бедной женушке... — прошептала Эбби.

Я рассмеялась и ушла в каморку, где обычно хранились хозяйственные принадлежности. Мы уже полгода забывали приобрести швабру, поэтому приходилось корячиться с тряпками. Однако пару дней назад Эбигейл одолжила длинную щетку у Буша, владельца чешского паба.

— Эбби, ты опять забыла вернуть Бушу щетку!

— Ах ты черт! Не люблю я этого юмориста! —
послышалось из-за стойки.

Вздохнув, я взялась за уборку и, когда полы засияли чистотой, поставила одолженную щетку у вешалки для верхней одежды, чтобы не забыть занести на обратном пути Нилу Бушу.

— Селина, где же твоя логика, почему бы тебе просто не дойти до Берча и не купить у него нормальную швабру?!

Да я и сама задавалась этим вопросом, возможно, ответом была моя лень. После работы я уходила на ватных ногах.

— Кстати, почему бы тебе не прицепить себе талисман? — продолжала Эбби. — Или ты уже давно носишь с собой коварную лавандовую ветвь?

— Зачем же мне ветвь, если у меня есть Коннор? — хмыкнула я.

Эбигейл возвела глаза к потолку и принялась чистить кофейный аппарат. Я знала, что она недолюбливает Коннора, и не раз пыталась понять и уточнить, чем он ей не угодил, но так и не получила вразумительного ответа. Мы с Коннором вместе с первого курса, он появился в моей жизни как раз тогда, когда я нуждалась в поддержке. Только вот... пламя нашей «любви» потухло уже к концу второго курса, и далее мы просто превратились в парочку... партнеров? Я даже не помнила, по какой еще причине встречаюсь с ним. Может, по привычке или из-за ощущения стабильности?



— И все-таки, может, нам нацепить их в качестве броши? — предложила Эбби. — Как отличительный знак нашей... формы.

— Хм, а идея неплохая!

Я вытащила из ящика две булавки и прицепила одну веточку на пышную грудь Эбби и одну на незаметную свою.

— Сел, Коннор заберет тебя сегодня после работы?

Я чуть булавкой не укололась от такого вопроса, а когда заглянула в дразнящие зеленые глаза Эбби, расхохоталась в голос. Эбби не отставала. Коннор — и забрать с работы? Это как? Сколько я здесь работала, столько и ездила на автобусе. В крайнем случае на такси. И не было в этом ничего плохого, скорее я с нетерпением ждала своего музыкального часа. Только я и мои наушники, никакого Коннора нам не нужно.

— Странные вы, Сел, — сказала Эбби, успокоившись. — Вы хоть видите?

Я попыталась припомнить, когда в последний раз встречалась с Коннором. Если сегодня воскресенье, значит... в прошлую субботу. Точно, в первый день апреля мы ходили в кино, встретились у кинотеатра, а после разошлись по домам.

— Иногда.

— Иногда? Да я с тобой живу, можно сказать, и что-то не припомню... погоди, неужели в ту субботу, когда ты попросила меня остаться?

Я промолчала, зардевшись.